

Редакційна колегія

Белхова Л. – доктор філологічних наук, професор, професор кафедри англійської мови та методики її викладання Херсонського державного університету;

Бондарева О. – доктор філологічних наук, професор, директор Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка;

Заболотська О. – доктор педагогічних наук, професор, завідувач кафедри англійської мови та методики її викладання Херсонського державного університету;

Ільїнська Н. – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри світової літератури та культури імені проф. О. Мішукова Херсонського державного університету;

Кеба О. – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри германських мов і зарубіжної літератури Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка;

Корнієнко О. – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри російської та зарубіжної літератури Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова;

Погребна В. – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри журналістики Запорізького національного технічного університету;

Ройтер Т. – доктор філологічних наук, професор Інституту славістики Альпендрія університету (Клагенфурт, Австрія);

Силантєва В. – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри зарубіжної літератури Одеського національного університету імені І.І. Мечникова;

Степанова Г. – доктор філологічних наук, професор, професор кафедри англійської філології та перекладу Університету імені Альфреда Нобеля.

Відповідальний за випуск:

Ільїнська Н. – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри світової літератури та культури імені проф. О. Мішукова Херсонського державного університету.

Міф у художній свідомості та культурі ХХ ст. (II Мішуківські читання): матеріали Міжнародної наукової конференції, м. Херсон, 13-14 жовтня 2017 р. – Херсон : Видавничий дім «Гельветика», 2017. – 200 с.

ISBN 978-966-916-354-7

У збірнику представлено стислий виклад доповідей і повідомлень, поданих на Міжнародну наукову конференцію «Міф у художній свідомості та культурі ХХ ст.» (II Мішуківські читання), яка відбулась на базі кафедри світової літератури та культури імені проф. О. Мішукова Херсонського державного університету 13-14 жовтня 2017 р.

УДК 292:[82+008]«19»(063)
ББК 83.3.6+71.1я43

ЗМІСТ

НАПРЯМ 1. «МІФОЛОГІЗАЦІЯ», «РЕМІФОЛОГІЗАЦІЯ», «ДЕМІФОЛОГІЗАЦІЯ», «НЕОМІФОЛОГІЗАЦІЯ»: ПОЛІВАРІАНТНІСТЬ СУЧАСНИХ ДЕФІНІЦІЙ

Корниенко О.А.

Классификация мифопоэтических моделей и критерии
их вычленения: теоретический аспект 6

НАПРЯМ 2. СТРАТЕГІЇ МІФОТВОРЧОСТІ: ВІД МОДЕРНУ ДО ПОСТМОДЕРНУ

Абабина Н.В.

Мифопоэтическое мышление на рубеже веков: А.И. Куприн 11

Алатея М.М.

Религия как возможный миф в рассказе Грэма Грина «Последнее слово» 16

Бокшань Г.І.

Міфосемантика імені в художній прозі Галини Пагутяк 19

Бородица С.В.

Міфопоетика у філософській ліриці Миколи Воробйова 23

Загороднюк В.С.

Художнє моделювання космології в творчості Богдана-Ігоря Антонича 28

Кеба О.В.

Міфологічний інтертекст у романі Філіпа Рота «Людське тавро» 31

Мітракова О.О.

Міф та реальність у творах Джона Фаулза «Маг», Ганса Еріха Носсака
«Орфей і...» та Івана Давидкова «Човен Харона» 35

Міхільов О.Д., Короткова О.А.

Гуманізуюча функція міфу та символіки в творчості Милорада Павича 37

Морева Т.Ю.

Восковые персоны в русской литературе первых десятилетий XX века 41

Невярович Н.Ю.

Гротескные проекции социального мифа
в «Сказках дедушки Володи» В. Войновича 47

Онопрієнко А.Д.

Міфологема смерті у ліриці Ф. Сологуба 54

Санжарова Г.Ф., Санжаров В.А.

Позднесредневековая политическая мифология во Франции:
владыка и его держава 60

Скуратко Т.М.

Міфологічні образи в ліро-епосі І. Драча 65

Санжарова Г.Ф.,
*старший преподаватель кафедры романской филологии
и сравнительно-типологического языкознания
Киевского университета имени Бориса Гринченка*

Санжаров В.А.,
кандидат исторических наук

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ ВО ФРАНЦИИ: ВЛАДЫКА И ЕГО ДЕРЖАВА

Бернар Гене утверждал, что как только появляется национальное самосознание, нация стремится оправдать свое существование прошлым, и в этом смысле именно историки «создают» нации [3, с. 123]. Зарождение национальных государств в Европе совпадает с появлением нового типа государственности – сословных, а затем абсолютных монархий. Властные амбиции всегда требовали и требуют теоретического обоснования и подкрепления. Этой цели служит политическая мифология. Сакральное (миф) придает обыденному (личностям и действиям владык) смысл и оправдание. Человек не может жить в неупорядоченном мире, парализующем отсутствием ориентиров, непредсказуемостью, иллюзорностью. Он стремится найти в бессистемности бытия некую структуру, порядок, устойчивость, закон. Отсюда и попытки понять и объяснить то, что задает и упорядочивает реальность. Именно в этом заключена природа любой мифологии – обыденной, религиозной, политической, научной. Миф – не просто метафора, уподобление. С помощью уподоблений и метафор он придает реальности символическую целостность, открывая за явлениями действительности их связь с чем-то, что их порождает, вызывает. Он открывает человеку большую реальность, чем сама реальность, то, что, собственно, делает реальность реальностью. Сама реальность предстает лишь проявлением чего-то «сверхъестественного», более реального, истинно реального, сакрального.

Политические идеи позднесредневековых французских мыслителей, государственных деятелей, хронистов развивались во многом в традиционном русле: главным была разработка концепции власти государя, обоснование укрепления власти монарха и расширения его полномочий. Современные исследователи, обстоятельно анализируя сочинения общественных и политических деятелей эпохи, отмечают, что их все объединяет представление о государе, как о гаранте мира и спокойствия. Все они связывают с королем Франции надежды на завершение войны, принесшей столь много бед. Главной добродетелью монарха выступает умение управлять королевством так, чтобы «дела были в добром расположении, царствовали мир и право» [4, с. 70–71]. Таким образом, можно говорить о комплексе идей, связанных воедино особой концепцией роли и полномочий королевской власти, своего рода культурном мифе, разрабатываемом одновременно довольно значительным кругом французских авторов. Феномен культурного мифа – то – дискурс о мире, функционирующий, как правило, в пределах определенной субкультуры конкретной исторической эпохи и находящий свое отражение в ли-

тературных памятниках по преимуществу. Литературное произведение выступает в качестве формы выражения культурного мифа в данную эпоху. То же можно сказать и о жанровой специфике литературных произведений – для классического и позднего средневековья характерны назидательно-дидактические трактаты. Совокупность всех «дискурсов», т. е. всех культурных мифов, дает определенную модель мира, присущую данной культуре. Литература способствует выработке общих стереотипов восприятия действительности, причем именно миф становится основой для интерпретации происходящих социальных событий. Среди культурных мифов, актуализированных в литературном пространстве эпохи можно выделить государственную мифологию с ее кульминацией в образе правящего монарха. В этой мифологии «мудрый» монарх выступает как творец-демиург, создающий новый Золотой век, а сама его деятельность оказывается одним из аспектов всеобщей гармонии, которую творит власть. Мифологизации подвергается весь космос власти, включающий в себя церемонии коронации и погребения монархов, празднества, устраиваемые в их честь, и торжественные выезды в города королевства, основные сферы деятельности монархов [5]. Королевский образ сакрализуется посредством легенды связанной с принятием христианства Хлодвигом с выводом об особом статусе французских королей получивших титул наихристианнейших.

Придворная концепция власти государя находит отражение и в многочисленных произведениях первой женщины – профессионального писателя Кристины Пизанской. Как ни странно, но именно две особенности творчества наиболее ярко свидетельствующие о политической позиции писательницы надолго оставили Кристину Пизанскую вне поля исследовательского интереса как сложившегося политического мыслителя. Во-первых, это неустанное восхваление законного государя и преклонение перед ним вопреки сиюминутной конъюнктуре (при дворе больного короля идет борьба семейно-родственных кланов за власть; среди обеих противоборствующих группировок есть заказчики ее произведений). Во-вторых, иногда почти буквальное совпадение ее оценок происходящего в стране с мнением ряда признанных авторитетов того времени (в чем хотели видеть несамостоятельность мысли и только). Сегодня принято говорить об историко-культурной модели мира, характерной для придворного (дворянского) этоса, под которым понимают стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентацию её культуры, принятую в ней иерархию ценностей.

Политические приоритеты и пристрастия Кристины Пизанской вполне определены и выражены достаточно четко. Она монархист, убежденный сторонник сильной центральной власти; ее государь – единственно возможный гарант мира и общественного блага страны. Попыткам очертить портрет идеального суверена посвящены многочисленные пассажи в ее работах, прежде всего дидактические трактаты «Книга дороги долгого учения» (1402), посвященная королю Карлу VI и принцам королевской крови, и «Книга мира» (1414). В «Книге о политическом теле» писательница развивает мысли о государстве и государственном управлении, сосредотачиваясь главным образом на личности короля и его обязанностях; обосновывает легитимность королевской власти; объясняет необходимость и значимость сохранения права наследования французского престола. Знаменитая

«Книга деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» (1405) опять же предназначена послужить дидактической цели: стать добрым примером для наследника престола дофина Людовика. Последняя работа – панегирик совершенству добродетелей конкретного государя. Главы с 22-ой по 34-ю первой части, со 2-ой по 10-ю второй части, и наконец, с 3-ей по 32-ю третьей части работы повествуют о замечательных личных качествах Карла V: благоразумии, мудрости, справедливости, велико- и благодушии, смирении, щедрости, нравственной чистоте, скромности, правдивости, милосердии и благочестии, проницательности, образованности, – и иллюстрируют благородство, рыцарство и мудрость французского короля любопытными примерами. Образ Карла V, созданный Кристиной Пизанской, объединяет в себе черты реального и действительно великого человека и портрет-модель идеального государя, пример для всех последующих властителей. Своей развернутой характеристикой личностных качеств и достоинств мудрого правителя Кристина задает тон всей последующей историографии короля Карла V вплоть до наших дней. Так историограф Карла VI Жан Жувеналь Дезюрсен, подытоживая правление Карла V, указывает в первую очередь на мудрость (в понятие которой включены ум, осторожность и сдержанность в управлении королевством), затем активность в отражении врагов (как доблесть), благоразумие в правосудии (понимаемое в том числе и как милосердие к собственным подданным), заботу о церкви и священнослужителях, веру в бога и христианский образ жизни. Монарху присваиваются мироустроительные харизматические полномочия.

Произведения Кристины – эгодокументы: она пишет о том, что видела сама, слышала от персонажей своих произведений, сама переживала. Свидетельства современницы и участницы событий придают исторической картине эпохи ощущение жизненности, большую зрелищность и, как бы дополнительную реальность. Практически как и любые воспоминания работы Кристины Пизанской содержат суждения аналитического характера, попытки дать по возможности объективную оценку пережитой эпохе, высветить ее как некий рубеж, причем не только сугубо хронологический. В «Книге деяний...» прослеживается тенденция к темпоральной мифологизации недавнего исторического прошлого, когда времени правления Карла V придается особая значимость, эталонность. Темпоральный аспект государственного дискурса восходит своими корнями к мифологеме «золотого века» как таковой. Такая смысловая окраска периода правления Карла V находит отклик в сознании современников Кристины, живших в условиях кризиса государственности и гражданской войны.

Этногенное мифотворчество, как вторая неотъемлимая составная часть социально-политической мифологии, также не обойдено Кристиной. Под стать величественной фигуре короля должна быть и его держава. В духе тогдашней историографии устами «коронованной дамы» Франции Кристина Пизанская в своем «Видении» рассказывает о происхождении королевской власти и легендарном основании страны. Это традиционная «троянская» версия, в которой фигурируют – золотая ветвь, Парис и Елена, Франк – основатель страны. Жак Ле Гофф называет практику возведения родословной правителей к мифологическим предкам традицией «присвоения чудесного» политикой. Теория о троянском происхождении

дении франков, утверждавшая древность французского народа ведет начало от хроники VII века псевдоФредегара и «Книги истории франков» VIII века. Почти все последующие хроники, в том числе и «Большие французские хроники», начинались с повествования о прибытии троянского принца Франсиона (или Приама младшего, или Антенора) после разрушения Трои и основания им города Сикамбрия и государства. На протяжении нескольких сотен лет троянские герои продолжали оставаться мифическими предками новых государств. Сам миф от случая к случаю несколько видоизменялся, но подобная пластичность и приспособляемость только способствовали его жизнеспособности. Подновляемый время от времени старинный миф служил гарантом престижа, сплоченности и этнического единства нации, он также служил защитой и фундаментальным аргументом против папства, империи, притязаний английских королей, оправданием крестовых походов или итальянских войн. С века в знатных семьях получают распространение троянские генеалогии.

Из простого мифа о происхождении троянский миф превращается, по словам Колетты Бон, в миф коллективного облагораживания [1, с. 336]. Франция или Либера – страна свободных – франков (потомков Приама), страна наиболее природного народа, естественные добродетели и превосходство национального происхождения которого возвышают его над остальными, страна, изначально не знавшая правления иноземных принцев. Поэтому именно здесь сильнее всего любовь и покорность государю, а единство государей и народа имеет давнюю и прочную основу. Так у Кристины реализуется идея об особой избранности французов и французского королевства, предопределенной еще с момента их появления. Троянский миф (прославленный предок, величественные военные подвиги, общность территории, непрерывность поколений и чистота крови) выполняет фундаментальную функцию гаранта единства нации. Но он имеет и прикладное значение – для нужд внешней политики. Троянский миф во время Столетней войны используется в политической моралистике: осада Трои – типичный пример падения империй, действий Фортуны в истории человечества. При описании несчастий современности М. Лефранк, Эсташ Дешамп, Ален Шартье, Кристина Пизанская и другие отсылают читателя к истории Трои.

Мудрый король Карл V получает у Кристины Пизанской возможность от первого лица высказаться по этим вопросам в специально посвященной ему работе. Он разъясняет существо и значение института королевской власти для Франции и свои претензии к вероломным вассалам – королям Англии и Наварры – сыну короля Богемии Карлу IV Люксембургскому, во время визита последнего во Францию [2, с. 117–118]. Таким образом, история для Кристины – средство наставления в добродетели и политической мудрости.

Кристина Пизанская считала, что законный король призван поддерживать богоугодный общественный порядок, при котором нет раздоров и войн и царит мир. По существу именно мир является целью государственного управления. «Мир как изобилие всех добродетелей» в ее представлении является основным элементом общественного блага. В ее сочинениях идеи общественного блага и мира не просто взаимосвязанны, они почти тождественны друг другу. Когда на

ступает мир, тогда обретается общественное благо, т.е. благосостояние государя и подданных.

Верность законному монарху, как воплощению надежд Франции на мир и общественное благо красной нитью проходит через все произведения Кристины Пизанской. Эта ода верности обрывается на радостной ноте приветствия не сломенному трудностями королю Карлу VII в «Сказании о Девственнице». В Карле VII историки XV века будут видеть наследника троянских традиций и создателя новой Трои (воссоздателя государства). Показателен выбор бургундской историографией в качестве прародителя собственной государственности разрушителей Трои Геракла и Ясона.

Острополюемические произведения, назидательно-дидактические трактаты, исторические работы, аллегорические, поэтические, провидческие пассажи Кристины были очень личным, индивидуальным ответом на политические и социальные коллизии своего времени и, одновременно, частью мифо-поэтического воплощения государственного дискурса эпохи.

Творчество Кристины Пизанской позволяет проследить, как складывались и развивались миропонимание, мироощущение эпохи, возникали и функционировали политические мифологемы, представить и охарактеризовать историко-культурную модель, созданную деятелями литературной среды этого культурного цикла посредством мифотворческих стратегий, выделить место мифотворчества в процессе формирования картины мира, мифологизированного космоса власти, способствует изучению ментальных, социокультурных, поведенческих механизмов, действующих в историко-культурной ситуации позднего средневековья, в ключе историко-антропологических подходов.

Религиозно-мифологический потенциал государственного культурного мифа, который прежде всего соотносился с государством и монархом как устроителями общественной гармонии велик и обладает огромной инерционной силой. Он на века определил развитие политической мифологии, пока конец XX не предложил для нее вместо объяснительной, заместительную, преобразующую, подменяющую действительность функцию.

Литература

1. Beaune, c. L'utilisation politique du mythe des origines troyennes en France à la fin du Moyen Âge / Colette Beaune // Publications de l'École française de Rome, 1985, Vol. 80, Num. 1, P. 331–355.
2. Christine de Pisan Le Livre des faits et bonnes moeurs du sage roy Charles le Quint / éd. Susanne Solente. – Paris, 1936-1941. – 2 vol.
3. Guenée, B. L'Occident aux xive et xve siècles : les États / Bernard Guenée. – Paris: Presses universitaires de France, 1998. – 339 p.
4. Krynen, J. Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380-1440) : étude de la littérature politique du temps / Jacques Krynen. – Paris: ... et J. Picard, 1981. – 341 p.
5. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: от Петра Великого до смерти Николая I / Р. С. Уортман. – М.: ОГИ, 2002. – Т. 1. – 605 с.

Скुरатко Т.М.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри теорії і методики української та світової літератури
Тернопільського національного педагогічного університету
імені Володимира Гнатюка

МІФОЛОГІЧНІ ОБРАЗИ В ЛІРО-ЕПОСІ І. ДРАЧА

Два останні десятиліття характеризуються відродженням цікавості до міфу у сфері національної науки. Вивченню рецепції міфу українськими письменниками присвячені праці В. Антофійчука, Т. Мейзерської, А. Нямцу, О. Турган, А. Холодова, І. Чернової тощо. Українське літературознавство збагатилось окремими працями останніх десятиліть, які присвячені проблемі авторського міфотворення; найбільш яскраві з них шевченкознавчі – «Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу» О. Забужко (1997, 2001 рр.), «Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка» Г. Грабовича (оригінальне англomовне видання 1982 р., україномовні видання 1991, 1998 рр.).

Саме міф являється ключем до парадоксального поглиблення психологізму в художньому творі, виступає засобом творення характеристики персонажів, сюжетобудування, жанротворення.

О. Забужко розглядаючи феномен «національно-консолідуючого авторського міфу пише, що «...творець авторського міфа дослівно «платить» власним життям, усією його чуттєвою й смисловою достовірністю цілокупно, за метафізичну істину свого квазілітературного універсалістського послання...» [7; 26]; також дослідниця додає: «...скоро в авторському міфі автор сам стає своїм героєм, то в ході історико-культурного функціонування авторський міф неминуче « обертається « міфом самого автора...» [7; 35].

Міфопоетика – це сукупність засобів художнього змісто- і формотворення, які дають змогу «зчитати» закладений у творі міфологічний зміст на рівні усвідомленого або позасвідомого сприйняття читача. Зміст цей, що, як палімпсест, проступає через нашарування предметно-логічного мислення в геніальному або високоталановитому художньому тексті, може містити уявлення про міфологічну модель світу, схеми первісного міфологічного мислення, первинні образи й мотиви людської культури [11; 254].

Літературознавчий словник-довідник за редакцією Р. Гром'яка, Ю. Коваліва трактує поняття «міфологізм» як спосіб поетичної реалізації міфу у творах оригінальної літератури [11; 257]. Значення міфу в літературному творі не тотожне його семантиці у першозразку й залежить від культури епохи, задуму письменника, жанру твору. Перехід міфічного образу в поетичний пов'язаний з усвідомленням відмінності між суб'єктивністю процесу пізнання та об'єктивністю дійсності. Відображення у літературному творі давніх міфологічних уявлень часто опосередковане через трансформовані форми поетично переосмислення, зокрема через символ. У сучасній літературі риси міфології ми знаходимо у творчості Івана Драча.